

Сказка о мечте, подлости и любви

Крылатый — 1995 — 29 июля (№ 29) — с. 14

Судьбы

Юрий ШУГРИН

Как все-таки причудливы судьбы людские. И жизнь подбрасывает сюжеты, которые не под силу даже самым изощренным сочинителям. В этой связи хочу заметить, что во времена всех "красных" переворотов и революций всегда и везде управители притесняли и игнорировали таланты, старались их оттолкнуть и принизить, не выдерживая конкуренции с ними, постоянно напоминая о том, кто и что они есть.

Такие грустные мысли пришли ко мне, когда я читал в пражской газете "Сегодня" историю талантливой певицы, жизнь которой похожа одновременно и на детектив, и на восточную сказку, и еще — на повесть о несбывшейся мечте. Думаю, что читателям "Культуры" будет интересно о ней услышать.

Началась эта история в Австрии в сентябре 1951 года. Молодая чехословацкая певица Ярмила Кристенкова, которая

уже несколько месяцев жила в Вене и ждала ангажемента, зашла в небольшой пансион, чтобы позвонить в Прагу и узнать домашние новости. В дверях столкнулась с высоким элегантным господином, который засмущался и извинился по-английски. Очаровательная молодая дама тоже ответила по-английски, чему он очень обрадовался и поспешил пригласить на чашку чая. Представился — генерал Хассан Абдель Вахаб, египетский паша. Шестидесятилетний аристократ только что приехал в Вену сделать глазную операцию. Он по привычке хотел поселиться в самом шикарном отеле и договориться о лечении в самой знаменитой клинике. Но австрийские специалисты посоветовали ему обратиться в государственный госпиталь и поселиться в небольшом, но комфортабельном пансионе. Паша очень неуютно чувствовал себя в Вене и прежде всего потому, что ни слова не понимал по-немецки. Ярмила оказалась первым человеком, с которым он мог говорить свободно, без помощи переводчика. Дело кончилось тем, что генерал уговорил свою собеседницу быть его сопровождающей и помощником на все время лечения. Ярмила все это восприняла, как забавное приключение. Она согласилась, у нее было время — после отъезда из Чехословакии она ждала приглашения от театра.

Ярмила Кристенкова окончила Пражскую консерваторию, училась пению в Немецкой академии и в Высшей музыкальной школе в Зальцбурге (в знаменитом "Моцартиуме"). Ее приглашали петь во многие чешские театры. Критики высоко ценили ее mezzo-сопрано и предсказывали большое будущее.

Когда в 1946 году она поступила в Брненскую оперу, то уже далеко не была но-

вичком — в Брно пела Кармен, Татьяну в "Евгении Онегине", Миладу в "Далиборе" Сметаны.

Крутой поворот в судьбе певицы произошел после событий февраля 1948 года, когда к власти в Чехословакии пришли коммунисты. Весной того года она готовилась к выступлениям в Венской опере, уже побывала на двух репетициях и ждала третью. Но неожиданно ее вызвали в полицию и отобрали заграничный паспорт. "Вы спросите, почему? Трудно сказать, новым господам, видимо, не понравилось мое происхождение и мои глубочайшие симпатии к католической церкви. И еще в нашем театре стала всем распоряжаться ранее совсем посредственная певица. Меня не увольняли, но и не предлагали никаких ролей", — рассказывает госпожа Ярмила. Это было для нее самым тяжелым. Ей не давали петь, а без сцены она не представляла жизни себе. Подумала, что найдет в браке, и в Новом, 1950 году вышла замуж за австрийского бизнесмена.

Брак был формальным, но он давал ей надежду, уехав в Вену, вернуться на оперную сцену. Между тем за два года ситуация в Вене изменилась. Ярмила пела на радио, в концертах, а из оперы предложений все не поступало. "Встреча с генералом изменила всю мою жизнь. Перед отъездом в Каир, после операции, он сделал мне предложение. Я сказала, что отвечу позже, так как жду вестей от импресарио. Но добрых известий все не было, а тут из Египта пришла свадебная виза. Я поняла, что это Божья воля, и стала собирать чемоданы".

В Каире госпожа Ярмила Кристенкова узнала, что же такой ее нареченный. Он принадлежал к высшей воинской элите, был маршалом королевских ВВС, командо-

вал крупными египетскими соединениями. А за то, что его войска не пустили в Египет немецкие танки Роммеля, он был удостоен высшей воинской награды Великобритании — Креста королевы Виктории. Наконец, его род был более знаменит, чем род египетского короля Фараха, и это выделяло его среди других при дворе.

"В свадебном контракте было записано, что в соответствии с обычаями я являюсь одной из четырех возможных жен моего Хассана. К счастью, он не считал многоженство обязательным, он ранее был женат на француженке, с которой развелся. Более того, он был великодушен и позволил мне не выходить из католической церкви. В Египте, который меня околдовал, нужно было ко многому привыкать: меня всюду сопровождала охрана; нужно было много сил и искусства убеждения, чтобы муж разрешил мне ездить на пляж, самой управлять автомобилем, ездить к пирамидам. И он никогда не требовал, чтобы я закрывала лицо".

Сначала Хассан был для меня другом, потом я в него влюбилась навечно. Я была очень счастлива с этим восточным феодалом, английским джентльменом, ребенком и варваром в одном лице".

В начале 1956-го в Каире произошли большие изменения, пал королевский режим, и они с мужем надумали перебраться в Европу, вероятнее всего в Швейцарию. Но прежде всего после столько лет ей захотелось заехать в Прагу и обязательно зайти в театр...

Здесь происходит новый детективный поворот в ее судьбе. Госпожа Ярмила Хассан Абдель Вахаб все еще оставалась чехословацкой гражданкой и не ждала никаких проблем с местными властями. Однако ее поразил,

что однажды в пражском магазине у нее неожиданно исчезает паспорт, который она потом получает в министерстве иностранных дел, но уже с аннулированной выездной визой.

"Когда я начала протестовать, чиновник, который мне об этом объявил, стал на меня кричать и сказал, что это я в Египте была "Ваше сиятельство", а здесь я никто. И я поняла, что снова дома. Стараниями чехословацких властей на несколько недель я потеряла контакт со своей семьей в Каире. Потом были известные военные и политические события 1956 года в Египте. А потом в Прагу пробилось письмо от моей дорогой подруги и сестры Хассана, из которого я узнала, что мой супруг скончался от инфаркта".

В Египет г-жа Ярмила уже больше никогда не вернулась. В Чехословакии ей еще удалось выйти на сцену и спеть свои любимые оперные партии, но постоянной работы в театре она так и не получила.

Она переезжает в восточную Чехию, на земли своих предков. Здесь покупает полуразрушенное имение, которое когда-то было средневековой крепостью, приводит его в порядок и со временем превращает свой дом в настоящую библиотеку.

Уже более 30 лет бывшая супруга египетского паши учит детей в Художественной школе петь и понимать музыку. В свободное время она предается своей второй большой страсти — истории.

"Чем больше я читаю и изучаю историю, — говорит она, — тем больше я становлюсь сторонницей конституционной монархии, потому что власть кухарок несет с собой беды и упадок".

Ей до сих пор снится Египет — и оперная сцена, на которой поет она, Ярмила Кристенкова.

